

Содержание

На смерть араукарии.....	7
Цирцея.....	31
Царство Божие.....	54
Нервная.....	78
Собака цвета крем-брюле.....	104
Коррида.....	132
О счастье.....	154
Путёвые: снимки на память.....	187
Стужа.....	187
Гудок.....	195
Бурый.....	209
Пиночет.....	218
Третий жук.....	232

Мне известно несколько историй, настолько истинных, насколько человеческие истории вообще бывают правдоподобными. Я возьмусь пересказать их вам или, точнее, перевести, потому что они наверняка однажды уже были кем-то изложены, только в другое время и, возможно, на другом языке. Как аэд древности, я просто переложу их на свой лад, под свой голос. Есть опасение, что, при всём моём старании представить историю занимательной, у меня может ничего не получиться, тогда сама попытка совершить это всё же сделает мне честь. Кто может рассказать лучше, пусть расскажет.

Plumbum volumen из Тарента

НА СМЕРТЬ АРАУКАРИИ

Жили в Гатчине на улице Со́йту, что с двух сторон огибает Приоратский парк, Валентина Ивановна и Николай Андреевич Перескоковы. Дом у них был старый, довоенный, но содержался на зависть соседям в чистоте и порядке. Бог послал хозяевам дочь Светлану и двух сыновей — Георгия и Валентина Второго.

Валентина Ивановна (Первая) работала учителем в школе (математика, геометрия, черчение) и возделывала огород, где в открытом грунте надувались картошка, редиска, кабачки и огурцы, а в парнике — помидоры и болгарский перец; был у неё и заветный цветник — розы, гладиолусы, георгины, — о котором она заботилась, не щадя сил, вероятно, считая и его чем-то вроде плода любви, символом семейного согласия и счастья.

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

Николай Андреевич, инженер-путеец, служил на станции Гатчина-Товарная, в часы досуга мечтая об охоте и дальних странах. В кладовке у него стоял железный оружейный ящик, хотя самого ружья там не было — какой прок от ружья без собаки, а на той лежал запрет: Валентина Ивановна страдала невозможной аллергией на собачью шерсть. Вместо ружья Николай Андреевич держал в ящике под замком рукодельный альбом (старых времён гроссбух), куда вклеивал картинки необычайных мест, которые мечтал когда-нибудь воочию увидеть.

Валентина Ивановна разговоров мужа о путешествиях не любила и ни в какие поездки отправляться не желала. Когда Николай Андреевич заводил об этом речь, внутри неё сплетались в клубок и пульсировали тёмные лучи. Что за причуда — бежать от благодати? На участке Перескоковых вдоль одного забора стояли аккуратно выкрашенные дровяник, хозяйственный сарайчик под садовый инструмент, баня и летняя кухня с кирпичной плитой, вдоль другого произрастали кусты смородины и крыжовника, вдоль третьего — две яблони, калина, вишня и черноплодка, а у четвёртого, что со стороны дороги, тянулись ввысь купина чубушника и три стройные туи. Тут же был разбит и цветник. Валентина Ивановна со всем жаром души считала, что ничего красивее вида на её огород и цветник на свете быть не может. Даже Приоратский парк с его землебит-

ным дворцом и прудом не шёл ни в какое сравнение. И то сказать, огурцы у хозяйки из года в год удавались на диво, да и раскидистая коробовка, чьи яблочки были словно и не яблочки, а свежая, брызжущая сладкой помадкой конфета, цвела так, что светилась в сумерках и под ней можно было ночью играть в домино. По мнению Валентины Ивановны, уж если кому приспичило странствовать, то пусть отправляется на Белое озеро в Дворцовый парк или в Орловскую рощу — дальше, поди, и некуда.

В небесах над Приоратским парком и летом, и зимой с гортанным плачем кружили чайки, отказываясь, как и утки на здешних прудах, улетать в края, не знающие кары небесной — льда и снега. Их крики приводили Валентину Ивановну в умиление: вот же — не только люди, но и другие существа способны плакать от счастья, что обрели лучший на свете дом, который незачем покидать. Поэтому, должно быть, нытьё детей, желавших посмотреть на жирафа в Петербургском зоопарке или пронестись по американским горкам на Крестовском острове, служило для матери наглядным свидетельством того, что чада её — благоденствуют, хлебая на захолустной, вполне на вид сельской улице Сойту, тихой, смирной и грязной, как овца, счастье полной ложкой.

— Чаечки мои, — говорила она детям, ни минуты не сомневаясь, что рано или поздно они по достоинству

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

оценят место, где им повезло явиться на свет. — Птенчики золотые.

Вечерами и праздными воскресными утрами сидели в зале у телевизора. Если невзначай попадалась передача о путешествиях, Валентина Ивановна сразу переключала канал — и все смотрели новости о катастрофах, уголовщине и войнах или какое-нибудь шоу с поющими или острящими дарованиями. Эти программы годились как нельзя лучше: их участники, на вкус хозяйки, сплошь походили на шлюх и гомиков — и это внешний мир, начинающийся сразу за оградой участка, сделал их такими.

— Мама, я не верю, — оспаривала материнский приговор Светлана.

— Верят или не верят — в выдумки, — отвечала мать. — А то, что я говорю, — правда. Верить в неё или нет — не обязательно.

Внутри своего жилища Валентина Ивановна тоже разводила зелень — фикус, бегония, калатея, весенняя рассада на подоконниках... Особая гордость — араукария в кадке, хвойная красавица родом из поднебесных Анд, чьи ветки располагались строгими аккуратными ярусами, как шайбы-блины, нанизанные на стержень детской пирамидки. Араукарию наряжали на Новый год вместо ёлки, и той определённо нравилось её царственное положение — она выглядела свежо, топорщила зелёные иголки и от одного Нового года до следующего

прибавляла в росте. Этот заморский экзот вызывал у Валентины Ивановны приступы трогательного восторга: как же, семечком или крошечным саженцем прибыл издалека, и вот — обжился, и хорошо ему, и растёт, и, в отличие от сумасбродного Николая Андреевича, ни в какие дали не стремится.

* * *

То пернатым взмахом, то черепашьей поступью сменялись годы. Иной раз небо от жары было белым, как атласная простыня, иной раз становилось стылým и прозрачным, как тонкий лёд весеннего заморозка, иной раз озарялось молниями и по нему катился тяжёлый длинный гром. Но после в дырах разорванных туч неизменно взблескивали звёзды.

Росла не только араукария, росли и дети. Пока были малы, они верили, что в распоряжении у них есть только сегодняшний день, который никогда не повторится, а стало быть, уповать на что-то иное — нелепость, вздор. Они ощущали это во всей полноте чувств и с наслаждением отдавались на волю прекрасной, мучительной и в итоге всё равно непонятной жизни.

Повзрослев, они, как водится, включили в план строительства своей судьбы и придушенное в детстве любопытство к многообразию мира. Включили на всю железку. Ибо что есть счастье? Счастье — это когда твои детские мечты сбываются.

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

Получилось не у всех. Светлана поступила в педучилище, вышла замуж, переехала на бульвар Авиаторов (четверть часа неспешным шагом от маменькиного цветника), родила двух дочек, развелась и, не имея собственного угла, вернулась с малышками на улицу Сойту. Работать устроилась воспитателем в детском саду.

Сыновья в этой части оказались успешнее. Георгий окончил в Петербурге техникум железнодорожного транспорта и стал машинистом поездов дальнего следования. А Валентин Второй и вовсе выбился в пилоты международных рейсов, познав небесные премудрости в университете гражданской авиации. Оба были уверены, что никогда бы не выбрали подобный род занятий, если бы не проведённое в доме с видом на огород детство, — так из сухопутных аркадийцев в древней Элладе получались несравненные моряки. Светлана завидовала братьям — она бы тоже с удовольствием моталась по свету, если бы у неё были деньги или соответствующая профессия, но ни того, ни другого она не имела.

Николай Андреевич, радуясь за сыновей, воплощавших в явь то, что для него оставалось мечтой, вклеивал в гроссбух вслед за картинками Кижей, аллеи сфинксов в Луксорском храме и Пизанской башни величественный вид плато Путорана, запечатлённый с воды, или Акрополь, или Колизей, или пирамиду Кукулькана в Чичен-Ице, после чего вновь прятал альбом со своими несбывшимися странствиями в оружейный ящик, куда

другие прячут «секретку» — бутылку водки. Валентина Ивановна, напротив, недоумевала: как же так? как получилось, что чужое недоброе пространство вырвало её сыновей из лучшего на свете дома, поглотило и мотает туда-сюда в своём бездонном чреве, как горошины в погремушке?

— Что поделаешь — мужчинам не сидится дома. Бог дал им разум без якоря, — говорила она дочери, на лицо которой уже легла сетчатая тень ещё не прорезавшихся морщин. — Хорошо хоть ты другая. Мы — женщины, мы держимся корней.

Над Приоратским парком причитали чайки; их острые вопли ранили слух, словно порезы. Глядя на внучек, Валентина Ивановна вздыхала: «Чаячки мои, птенчики золотые». Недоброе пространство внешнего мира ещё не поглотило их — они беспечно возились на участке между цветником и огородом, дивясь летящему жуку, севшей на забор сороке или бело-жёлтому пропеллеру ромашки. Детскому сознанию открывается множество непередаваемых вещей, ум не в силах вместить их, память — запомнить. Они улетают в небеса безвозвратно.

Случалось, иной раз поодиночке, иной раз вместе (если позволяли рабочие графики), сыновья приезжали на пару дней в Гатчину навестить отчий дом. Полноценный отпуск и тот, и другой проводили с семьями — на тёплом море Туниса, или в горах Алтая, или в соседстве других морей и гор.

Николай Андреевич топил баню, где сыновья с наслаждением парились, охаживая себя берёзовыми вениками, заготовленными отцом на Троицу. Потом Валентина Ивановна накрывала в зале стол, Николай Андреевич выставлял на скатерть рядом с тарелками, полными огурцов и помидоров из закруток жены, припасённую бутылку (было кое-что с собой и у сыновей), и к нарочитому неудовольствию матери и искренней радости отца они рассказывали о далёких городах и странах, подкрепляя свои слова демонстрацией прихваченных в подарок родителю туристических каталогов.

Георгий с Николаем Андреевичем садились на диван, Валентин Второй — в кресло возле кадки с араукарией, Светлана — рядом на стул, а Валентина Ивановна (Первая) занимала место с краю стола, чтобы никого не тревожить, когда придёт пора идти на кухню за переменной блюд. Мужчины пили полными рюмками, женщины тянули из бокалов вино. Если в разговоре возникала пауза, Валентина Ивановна сообщала что-нибудь из недавно прочитанного или услышанного. Например, что на Солнце произошёл выброс неизвестной чёрной плазмы, прежде астрономами ни разу не наблюдавшийся. Или что учёные нашли в недрах Земли другую планету, размер которой гораздо больше первой. Николай Андреевич и Георгий понемногу хмелели, голоса их звучали громче; Валентин же Второй, хоть и пил с ними ровень, оставался трезв и рассудителен. Валентина

Ивановна смотрела на сына потеплевшим взглядом: добрая порода — крепкий дух, заключённый в крепкий флакон.

Каталоги с пёстрыми картинками после отъезда детей Николай Андреевич подробно изучал в уединении, а изучив, остро отточенным охотничьим ножом вырезал пагоду, крыша которой загибалась, как ломтик сыра на солнце, затерянный среди туманных вершин городок Мачу-Пикчу или пряничный замок Эльц, и вклеивал добычу в свой гроссбух.

* * *

Как все русские люди, ведущие своё хозяйство, старшие Перескоковы были рачительны — деньга на будень, деньга на праздник да деньга про чёрный день. Кривые гвозди в их доме выпрямлялись и ждали часа, чтобы вновь быть вбитыми, куски проволоки копились в сарае до востребования, изношенные юбки и футболки получали вторую жизнь, перерождаясь в половые тряпки, засохший хлеб не выбрасывался, а шёл на сухари или крошился в кормушки птицам.

Однажды Георгий, машинист поездов дальнего следования, подарил родителям, уже вышедшим на пенсию, железнодорожный тур СПб — Москва — Екатеринбург — Тюмень — Тобольск — Пермь — Москва — СПб. Пусть посмотрят страну своими глазами, решил он, может, тогда мир за околицей перестанет казаться

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

Валентине Ивановне холодным и злокозненным. Тур был рассчитан на восемь дней и включал в себя трансфер, питание, отели, экскурсии по городам, купание в горячих источниках и дегустацию сибирских яств — пельменей и рыбной строганины. Георгий полагался на хозяйственность и бережливость стариков — эти качества были залогом того, что билеты не пропадут.

— Не надо портить детям сюрприз, — говорил Николай Андреевич, упреждая возможные возражения жены.

Но Валентина Ивановна не возражала — она молчала.

Николай Андреевич собрал вещи в поездку за две недели до отправления, благо коллеги по работе на станции Гатчина-Товарная, провожая его на пенсию, подарили большой пластиковый чемодан с выдвижной ручкой и четырьмя колёсиками.

— Теперь-то поглядишь на белый свет, Перескоков, — сказали коллеги, вручая подарок. — Привези нам магнитик из Парижа.

В чемодан Николай Андреевич уложил и вещи Валентины Ивановны. Светлана помогала — спрашивала, открывая створки шкафа, какие наряды мать хочет взять с собой, и по очереди снимала с вешалки платья. Валентина Ивановна молча кивала на ту или иную вещь и мрачнела. Иного деятельного участия в сборах она не принимала.

Накануне отъезда за завтраком Валентина Ивановна внезапно почувствовала себя плохо — головокружение, шум в ушах, пелена и мушки перед глазами; лицо её потемнело, а губы стали сиреневыми. Светлана закатала матери рукав на вялой руке и измерила домашним приборчиком давление: двести десять на сто. Перепуганный Николай Андреевич вызвал «скорую». Приехал врач, круглый — откормленный как на выставку, осмотрел Валентину Ивановну и диагностировал гипертонический криз. Вероятная причина — нервный стресс. После чего сделал купирующий криз укол и забрал её в больницу.

Все восемь дней, за которые старшие Перескоковы должны были исколесить Урал и Западную Сибирь, любуясь белокаменным Тобольским кремлём и дегустируя ледяную стружку муксуна и нельмы, Валентина Ивановна провела в больничной палате. Николай Андреевич с тяжёлым вздохом вклеил билеты в свой альбом — галерею несостоявшихся приключений.

Светлана огорчалась не меньше отца — ведь можно было бы, наверняка можно было бы переоформить один билет на её имя, и тогда ей наконец удалось бы хоть на неделю выбраться с улицы Соёту куда-то подальше Орловской роцци или бульвара Авиаторов. Дочки уже пошли в первый класс — отец бы присмотрел за ними, а днём, пока те в школе, навещал бы в больнице мать. Сибиряки — надёжные мужчины. Кто знает, вдруг она отыскала бы в нефтяной Тюмени своё счастье? Тёплыми

ПАВЕЛ КРУСАНОВ

ночами Светлана выходила на крыльцо и смотрела, как за полосой чёрных деревьев, сияя светом окон, огненной струёй время от времени проносились поезда.

Когда Георгий позвонил отцу с матерью, чтобы узнать о впечатлениях от путешествия, и понял, что в тур они так и не поехали, он очень огорчился. Не разобравшись толком в причине перемены планов, он принялся выговаривать матери, мол, она — коралл, мидия в скорлупке: на всю жизнь, на веки вечные зачем-то приковала себя к лучшему на свете огороду, приросла к нему и припилила на булавку отца. Не денег пропавших жалко — жалко, что судьба их лишилась пряных впечатлений.

— Сама подумай: жизнь вы уже прожили, — говорил в сердцах Георгий, — теперь проживаете комментарии к ней. Я вам хотел устроить праздник, и на тебе — получи после ужина горчицу!

— Зато ты, гляжу, по миру намотался. — Валентина Ивановна схватилась рукой за сердце. — Так намотался, что душа прокисла, как болтаное молоко.

Николай Андреевич взял у жены плитку смартфона и рассказал Георгию, как было дело. Раскаиваясь, тот попросил прощения за тон.

В ближайшие дни сыновья приехали в Гатчину проведать мать. Та как ни в чём не бывало накрыла стол, Георгий с Николаем Андреевичем сели на диван, Валентин Второй — в кресло возле кадки с араукарией, Светлана — рядом на стул, а Валентина Ивановна (Первая)

примостилась с краю, чтобы никому не мешать, когда придётся идти на кухню за горячим или добавкой малосольных огурчиков. Снаружи кружил ветер, кроны деревьев метались, потревоженные его порывами. Тень облака накрыла огород и заросли кустов за забором, но Приоратский парк вдали ещё блистал на закатном солнце. Про путешествия не говорили — над столом, как жуки-вертячки на глади пруда, скользили только лёгкие слова. То и дело в зал прибегали чаечки, Светлана вручала им по конфете и отправляла делать уроки — а то больно побоку идёт у них учёба.

— Мы-то, дураки, иначе в школе учились, — со вздохом говорил Николай Андреевич. — За тройку — домой боялись идти, стыдно. За двойку — сук искали, на котором повеситься. А что толку?

Пили за здоровье Валентины Ивановны: мужчины — полными рюмками, женщины пригубляли вино в бокалах. Николай Андреевич и Георгий постепенно хмелели, Валентин же Второй, хоть не манкировал и не половинил, оставался почти трезв. Мать радовалась, глядя на сына: этот свою жизнь не расплескает на капли бражки.

* * *

Какова бы ни была целительная сила тостов, здоровья они Валентине Ивановне не прибавили — на мягких лапах подкралась деменция. За то, чтобы отправить